

Благодарности

Снова, в который раз, я должен поблагодарить моего замечательного агента Джошуа Билмеса и столь же удивительного редактора Моше Федера. Они проделали потрясающую работу над этой книгой, и я горжусь тем, что имел возможность сотрудничать с ними.

Также не могу не поблагодарить моих неутомимых помощников, постоянно мне помогавших и поощрявших меня. Это Алан Лэйтон, Джанет Лэйтон, Кейлин Зобелл, Нэйт Хэтфилд, Брюс Кандик, Кимбал Ларсен и Эмили Скоруп. И первых читателей, которые увидели эту книгу в сыром, необработанном виде и помогли мне превратить ее в то, что вы видите теперь. Это Криста Ольсен, Бенджамин Р. Ольсен, Мика Дему, Эрик Эхлер, Изи Уайтинг, Стэйси Уитман, Кристина Куглер, Меган Кауфман, Сара Байлунд, С. Ли Плэйер, Итэн Скарстедт, Джилена О'Брайен, Райан Джурадо и непредсказуемый Питер Альстром.

Есть еще несколько человек, которых я хотел бы поблагодарить отдельно. Айзек Стюарт, составлявший карты для этого романа, был неистощимым источником идей и зрительных образов. Хизер Кирби давала дельные советы, помогая мне разобраться в таинственной работе ума молодой женщины.

В дополнение мне бы хотелось выразить признательность нескольким очень важным для меня людям, также трудившимся над книгой, которую вы держите в руках. Ирэн Галло, главный художник издательства «Тор», проделала блестящую работу: именно благодаря ей у серии такие замечательные обложки. Дэвид Монш из рекламного отдела приложил немало усилий, чтобы обеспечить циклу успех. Я очень благодарен им обоим.

И наконец, я, как обычно, благодарю своих родных за постоянную поддержку и веру в меня.

В особенности я хочу поблагодарить моего брата Джордана за его энтузиазм, поддержку и преданность. Вы можете ознакомиться с работами брата на моем сайте: www.brandonsanderson.com.

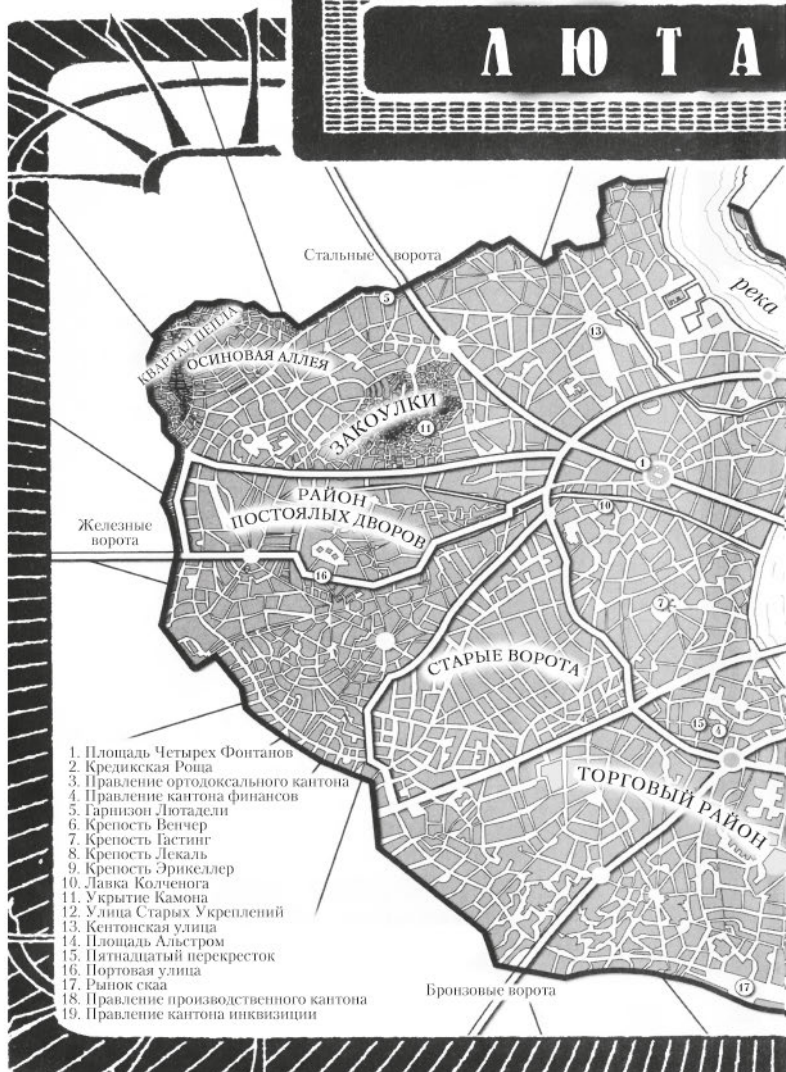
9. ОЗЕРО
ТИРИАН
10. ОЗЕРО
ЛЮТАДЕЛЬ
11. ЧЕРНОЕ
ОЗЕРО
12. РЕКА
СЕРАН

13. СЕВЕРНЫЙ
СЕРАН
14. ЮЖНЫЙ
СЕРАН
15. РЕКА
КАННЕРАЛ

ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРИЯ

1. ЛЮТАДЕЛЬ
ПЕПЕЛЬНЫЕ ГОРЫ
2. ТИРИАН 3. ЗЕРИНЭ
4. ФАЛИСТ 5. ДОРИЕЛЬ
6. МОРАГ 7. КАЛЛИНГ 8. ТОРИНОСТ

ЛЮТА

ДЕЛЬ

Иногда меня тревожит, что я совсем не тот герой, за которого меня принимают.

Философы уверяют, что пришло время и были соответствующие знаменья. Но я продолжаю думать: а что, если они выбрали не того человека? Так много людей зависит от меня. Они говорят: я стану держать в руках будущее всего мира.

Но что они подумают, если узнают, что их защитник — Герой Веков, спаситель — сомневается в себе? Может, они вообще и не будут потрясены. И пожалуй, это беспокоит меня сильнее всего. Что, если в глубине души они и сами удивлены — так же как и я?

Когда они видят меня, не видят ли они лжеца?

Пролог

Пепел сыпался с неба.

Лорд Трестинг хмурился, поглядывая вверх, на красное полуденное небо, а его слуги суетились, раскрывая зонт над Трестингом и его высокопоставленным гостем. Дожди из пепла нередко шли в Последней империи, но Трестинг надеялся обойтись без пятен копоты на новом сюртуке и красном жилете, только что доставленных из самой Лютадели. К счастью, ветра почти не было; зонт, пожалуй, мог их спасти.

Трестинг и его гость стояли на маленькой террасе на вершине холма. Отсюда открывался хороший вид на поля: сотни людей в коричневых комбинезонах трудились под пепельным дождем, оберегая урожай. Двигались они медленно — что, впрочем, нормально для скаа. Лень — их

отличительное свойство. Конечно, им хватало ума не жаловаться на жизнь, просто они всегда работали вяло, опустив голову, погруженные в безмолвную апатию. Приближение надсмотрщика с кнутом заставляло их на несколько мгновений проявлять усердие, но, как только тот удалялся, они тут же снова теряли темп.

Трестинг повернулся к человеку, стоявшему рядом с ним на холме.

— Можно было предположить, — заметил Трестинг, — что тысячи лет работы на полях научили их хоть чему-то.

Поручитель посмотрел на него, приподняв одну бровь, — этот жест эффектно подчеркнул и без того весьма заметную сложную татуировку, покрывавшую кожу вокруг глаз. Татуировка была огромной, она заползала на лоб и виски. Поручитель состоял в чине полного прелана, то есть был крайне влиятельной персоной. У Трестинга в особняке имелись собственные поручители, но они были просто мелкими чиновниками с едва заметными отметками вокруг глаз. А этот человек прибыл из Лютадели, и прибыл на том же судне, что и новый костюм Трестинга.

— Вам бы следовало увидеть городских скаа, Трестинг, — сказал поручитель, глядя на работающих скаа. — Ваши еще вполне прилежны в сравнении с живущими в Лютадели. Вы... довольно строги со своими скаа. Сколько вы примерно теряете в месяц?

— О, с полдесятка или около того, — ответил Трестинг. — Кто-то гибнет от побоев, кто-то от переутомления.

— Беглые есть?

— Нет! — воскликнул Трестинг. — Когда я только унаследовал от отца эти земли, несколько скаа сбежали — но я тут же казнил их семьи. Остальные перетрусили. Я никогда не понимал тех, у кого возникают трудности со скаа; этими тварями легко управлять, если дать им почувствовать твердую руку.

Поручитель кивнул; он стоял неподвижно, закутавшись в серый плащ. Он выглядел довольным, что не могло не радовать. Скаа на самом деле не были собственностью Трестинга. Как и все скаа, они принадлежали Вседержителю; Трестинг лишь арендовал рабочих у своего божества, точно так же как он платил за службу его поручителям.

Поручитель бросил взгляд на свои карманные часы, потом посмотрел вверх, на солнце. Несмотря на пеплопад, солнце светило ярко, пылая ослепительным алым шаром позади дымной черноты, затянувшей небо. Трестинг достал носовой платок и промокнул лоб, радуясь, что зонт укрывает их от полуденного зноя.

— Очень хорошо, Трестинг, — сказал поручитель. — Я передам ваши предложения лорду Венчеру, как вы просили. И он получит от меня весьма благоприятный отчет о вашей деятельности.

Трестинг с трудом сдержал вздох облегчения. При заключении любого контракта или делового соглашения между знатными людьми требовалось свидетельство поручителя. Вообще-то, свидетелями могли быть даже низшие поручители вроде тех, кого нанял Трестинг, — но намного значительнее выглядело свидетельство личного поручителя самого Страффа Венчера.

Поручитель повернулся к нему:

— Я отправлюсь обратно сегодня же днем.

— Так скоро? — спросил Трестинг. — И вы не останетесь на ужин?

— Нет, — ответил поручитель. — Хотя есть еще одно дело, которое я хотел бы обсудить с вами. Я прибыл не только по приказу лорда Венчера, но и... выяснить кое-что по поручению кантона инквизиции. Ходят слухи, что вы развлекаетесь с женщинами скаа.

Трестинг похолодел.

Поручитель улыбнулся. Он, вероятно, хотел, чтобы улыбка выглядела успокаивающей, но Трестингу она показалась зловещей.

— Не беспокойтесь, Трестинг, — сказал поручитель. — Если бы возникли реальные опасения за ваше поведение, к вам явился бы Стальной инквизитор, не я.

Трестинг медленно кивнул. Инквизитор. Он никогда не видел ни одного из этих нечеловеческих существ, но слышал... много разных историй.

— Я удовлетворен тем, что узнал о вашем обращении с женщинами скаа, — продолжил поручитель, оглядывая поля. — То, что я видел и слышал здесь, свидетельствует, что вы всегда соблюдаете порядок в делах. Человек вроде вас — деятельный, успешный — может далеко пойти в Лютадели. Еще несколько лет работы, несколько удачных сделок, и... кто знает?

Поручитель отвернулся, а Трестинг вдруг заметил, что улыбается. Конечно, это не было обещанием, ведь поручители оставались в большей степени чиновниками, нежели священниками, и все же услышать такую похвалу от одного из слуг самого Вседержителя... Трестинг знал, что кое-кто из знати считал поручителей досадной помехой, кто-то воспринимал их как источник беспокойства, — но в этот момент он был готов расцеловать своего высокочтимого гостя.

Трестинг снова уставился на скаа, молча работавших под кровавым солнцем и медленно падавшими хлопьями пепла. Трестинг принадлежал к сельской знати, он жил на своей плантации, мечтая когда-нибудь переехать в Лютадель. Он слышал о балах и приемах, о высшем свете и интригах, и это всерьез волновало его.

«Я должен сегодня отпраздновать это», — подумал он.

В четырнадцатой хижине есть одна молоденькая девушка, за которой он наблюдал уже некоторое время...

Он снова улыбнулся. Еще несколько лет работы, так сказал поручитель. Но разве Трестинг не может ускорить дело, если начнет работать чуть более усердно? Его скаа в последнее время размножились. И если он будет их подгонять, то сможет этим летом собрать дополнительный урожай и выполнить договор с лордом Венчером.

Трестинг кивнул своим мыслям, глядя на толпу ленивых скаа: одни орудовали мотыгами, другие стояли на коленях, руками смахивая золу с молодых растений. Они не жаловались. Они не надеялись. Они едва осмеливались думать. Так и надлежало быть, потому что они скаа. Они...

Трестинг застыл на месте, когда один из скаа посмотрел вверх. Он встретился взглядом с Трестингом, и искра... нет, пламя вызова вспыхнуло в его глазах. Трестинг никогда не видел ничего подобного, во всяком случае на лицах скаа. Он невольно отступил назад, по всему его телу пробежал холодок, пока странный скаа, выпрямившись, смотрел ему в глаза.

И улыбался.

Трестинг отвел взгляд.

— Курдон! — рявкнул он.

Коренастый надсмотрщик тут же подбежал к нему:

— Да, мой лорд?

Трестинг повернулся, показывая на...

Он нахмурился. Где же стоял тот скаа? Все они работали, опустив голову, все были перепачканы сажей и покрыты потом, так что отличить их друг от друга было трудно. Трестинг помолчал, всматриваясь. Ему показалось, что он нашел нужное место... пустое место, где теперь никого не было.

Но нет. Это невозможно. Человек не в состоянии исчезнуть так быстро. Куда он подевался? Он должен быть там, где-то там, работать со склоненной головой, как положено. Все равно его секундная дерзость непростительна.

— Мой лорд? — снова повторил Курдон.

Поручитель стоял рядом, с любопытством наблюдая за Трестингом. Ему уж точно не стоит знать, что один из скаа поступил столь бесстыдно.

— Заставь скаа вон там, в южном секторе, работать поусерднее, — приказал Трестинг, кивая на поле. — Они слишком медлительны, даже для скаа. Поколоти парочку.

Курдон пожал плечами, но кивнул. Битье особой пользы не приносило, но, с другой стороны, ему не нужна была причина, чтобы отлупить рабочих.

В конце концов, они всего лишь скаа.

Кельсер слышал многое.

Он слышал шепоток о других временах, о том, что когда-то, давным-давно, солнце не выглядело красным. О временах, когда небо не заволакивали дым и пепел, когда растениям не приходилось бороться за жизнь и когда скаа не были рабами. Но те дни почти забылись. Даже легенды о них становились все более неопределенными, смутными.

Кельсер наблюдал за солнцем: его глаза следовали за огромным красным диском, пока тот полз к горизонту на западе. Кельсер замер на несколько долгих мгновений в пустом поле, один. Дневная работа была закончена; всех скаа загнали в хижины. Скоро придет туман.

Наконец Кельсер вздохнул, повернулся и стал пробираться через борозды и узкие тропинки, лавируя между большими кучами золы. Он старался не наступать на растения, хотя сам не знал почему. Растения едва ли стояли такой осторожности. Чахлые, с поникшими коричневыми листьями, они выглядели такими же подавленными, как и люди, ухаживавшие за ними.

Хижины скаа смутно вырисовывались в угасающем свете. Кельсер уже видел, как начинает стучаться туман, постепенно заполняя воздух и оставляя от похожих на могильные холмы строений лишь размытые силуэты. Хижины никто не охранял. Надобности в страже не возникало: ни один скаа не решился бы выйти наружу после наступления ночи. Страх перед туманом был слишком силен.

«Я должен однажды избавить их от этого страха, — думал Кельсер, подходя к одному из крупных строений. — Но всему свое время».

Он потянул на себя дверь и проскользнул внутрь.

Разговор мгновенно затих. Кельсер закрыл дверь, с улыбкой повернулся и окинул взглядом помещение, где находилось около трех десятков скаа. В яме в центре хижины слабо горел огонь, а большой котел, стоявший рядом, был наполнен водой, в которой плавало немного овощей, — первое блюдо вечерней трапезы. Суп, конечно, оказался жидковат, но пахнул соблазнительно.

— Добрый вечер всем, — с улыбкой сказал Кельсер, опуская на пол свой мешок и прислоняясь спиной к двери. — Как прошел день?

Его слова нарушили молчание, и женщины тут же вернулись к приготовлению пищи. Но мужчины, сидевшие у грубо сколоченного стола, продолжали с недовольным видом рассматривать Кельсера.

— Наш день был полон работы, путник, — сказал наконец Теппер, один из старших скаа. — Это нечто такое, чего ты умудряешься избегать.

— Работа в поле мне и в самом деле не подходит, — ответил Кельсер. — Она слишком тяжела для моей нежной кожи.

Он улыбнулся, протягивая вперед руки, сплошь покрытые бесчисленными тонкими шрамами. Шрамы тянулись вдоль предплечий, как будто неведомый зверь многожды прошелся по ним когтями.

Теппер фыркнул. Он был слишком молод для старейшины, ему, пожалуй, едва перевалило за сорок, получалось, что он лет на пять старше Кельсера. Однако этот сухопарый мужчина держался так, словно привык быть главным, и ему это нравилось.

— Сейчас не время для легкомыслия, — строго произнес Теппер. — Когда мы даем приют путнику, то ожидаем, что он будет вести себя так, чтобы не возбуждать подозрений. А ты, когда исчез с поля сегодня утром, мог навлечь порку на тех, кто находился поблизости.

— Верно, — согласился Кельсер. — Но их могли избить и за то, что они встали не на то место, или слишком

долго отдыхали, или просто кашлянули, когда мимо проходил надсмотрщик. Я однажды видел, как человека высекли просто потому, что его хозяин заявил, будто тот «дерзко подмигнул».

Теппер продолжал сидеть все в той же напряженной позе, прищулив глаза, а его руки неподвижно лежали на столе. На лице застыло упрямое выражение.

Кельсер закатил глаза:

— Хорошо. Если вы хотите, чтобы я ушел, я уйду.

Он закинул на плечо мешок и беспечно толкнул дверь.

Густой туман тут же потек внутрь, окутывая тело Кельсера, проливаясь на пол и стелясь по нему, как выжидающий в засаде зверь. Несколько человек судорожно вздохнули от ужаса, но большинство были настолько ошеломлены, что вообще не издали ни звука. Кельсер мгновение-другое постоял в дверях, вглядываясь в темный туман, живые волны которого подсвечивались от очага.

— Закрой дверь!

Теппер не приказывал, он умолял.

Кельсер выполнил его просьбу, плотно прикрыв дверь и преградив путь волнам тумана.

— Туман вовсе не то, что вы о нем думаете. Вы слишком его боитесь.

— Люди, рискнувшие выйти в туман, теряют свои души, — прошептала одна из женщин.

Ее слова породили в умах вопрос. Ходил ли Кельсер в тумане? И если да, что случилось с его душой?

«Если бы только вы знали правду», — подумал Кельсер.

— Ладно, полагаю, это значит, что я могу остаться. — Он махнул рукой какому-то парнишке, чтобы тот принес ему табурет. — И это хорошо. Мне самому было бы стыдно, если бы я ушел, не поделившись новостями.

Многие сразу насторожились при его словах. Такова была настоящая причина того, почему его терпели, почему даже самые робкие из крестьян давали приют людям вроде Кельсера — скаа, оказывающим неповиновение

Вседержителю и путешествующим от плантации к плантации. Возможно, он был отступником, опасным для всей общины, но он принес новости из внешнего мира.

— Я пришел с севера, — сообщил Кельсер. — Из тех краев, где рука Вседержителя ощущается слабее, чем здесь.

Он говорил громко, отчетливо, и люди, продолжая заниматься своими делами, невольно прислушивались к нему. На следующий день слова Кельсера будут повторять сотни людей в других хижинах. Скаа могли быть трусливыми рабами, но при этом они оставались неизлечимыми сплетниками.

— На западе всем заправляют местные лорды, — продолжил Кельсер. — Они слишком далеко от железной хватки Вседержителя и его поручителей. Некоторые из этих господ даже обнаружили, что счастливые скаа работают лучше, чем запуганные. Один человек, лорд Рену, вообще приказал надсмотрщикам не бить рабочих без его разрешения. И еще поговаривают, что он собирается платить жалованье скаа на своих плантациях, примерно столько же, сколько зарабатывают городские ремесленники.

— Чуть, — резко бросил Теппер.

— Прошу прощения, — возразил Кельсер. — Я не предполагал, что добрый Теппер недавно побывал в поместье лорда Рену. Когда ты ужинал с ним в последний раз, он, видимо, рассказал тебе что-то, чего не знаю я?

Теппер покраснел: скаа никогда не путешествовали и, уж конечно, не ужинали с лордами.

— Ты считаешь меня дураком, странник, — сказал Теппер. — Но я знаю больше, чем ты думаешь. Ты тот, кого называют Выжившим: тебя выдают шрамы на руках. От тебя одни неприятности — ты бродишь по плантациям и возбуждаешь недовольство. Ты ешь нашу пищу, рассказываешь свои прекрасные истории, ты лжешь — а потом исчезаешь и предоставляешь людям вроде меня справляться с бессмысленными надеждами, которые ты даешь нашим детям.

Кельсер приподнял бровь.

— Неплохо, добрый Теппер, — кивнул он. — Однако твои тревоги безосновательны. К тому же я не намерен есть твою пищу. Я принес свою.

С этими словами Кельсер подхватил свой мешок и опустил его на землю перед Теппером. Полупустой мешок завалился набок, и из него посыпались разные продукты. Хороший хлеб, фрукты и даже несколько толстых копченых колбасок.

Большой фрукт покатился по утопанному земляному полу и легонько стукнулся о ногу Теппера. Немолодой скаа ошеломленно уставился на фрукт:

— Это еда знатных людей!

Кельсер фыркнул:

— Вряд ли. Знаешь, у твоего лорда Трестинга удивительно дурной вкус для человека его положения. Его кладовая — просто позор для аристократа.

Теппер побледнел.

— Так вот куда ты уходил днем, — прошептал он. — Ты забрался в особняк. Ты... обокрал хозяина!

— Да, ты прав, — сказал Кельсер. — И могу добавить, что, хотя твой лорд ничего не смыслит в еде, выбирать солдат он умеет. Проникнуть в его особняк среди бела дня было нелегкой задачей.

Теппер не отводил взгляда от мешка с едой.

— Если надсмотрщик найдет это здесь...

— Ну, я полагаю, всему этому нетрудно исчезнуть, — возразил Кельсер. — Могу поспорить, что это куда вкуснее пустой воды с овощами.

Две дюжины пар голодных глаз изучали продукты. Если Теппер намеревался спорить и дальше, ему следовало поторопиться с подбором аргументов, потому что его молчание было воспринято всеми как согласие. В несколько минут содержимое мешка изучили и поделили, а котел с супом, забытый всеми, продолжал кипеть на огне, пока скаа пировали.

Кельсер откинулся назад, прислонившись спиной к деревянной стене хижины, и наблюдал за тем, как люди

пожирают пищу. Он сказал чистую правду: в кладовой лежали самые простые продукты. Однако этих людей с детства кормили только супом и жидкой кашей. Для них мягкий хлеб и фрукты выглядели деликатесами: им ведь доставались лишь сухие корки, которые приносили слуги из особняка.

— Твои новости что-то слишком быстро кончились, юноша, — сказал один из старших скаа, подходя к Кельсеру и опускаясь на табурет рядом с ним.

— О, я подумал, что они могут подождать, — ответил Кельсер. — До того времени, как доказательства моей кражи будут окончательно уничтожены. А ты не хочешь что-нибудь попробовать?

— Мне ни к чему, — сказал старик. — В последний раз, когда я попробовал пищу лордов, у меня три дня болел живот. Новая еда вроде новых идей, юноша. Чем старше ты становишься, тем труднее их переваривать.

Кельсер некоторое время молчал. Старик выглядел не слишком впечатляюще. Из-за обветренной морщинистой кожи и лысого черепа он казался слабым, хрупким. Но конечно, в действительности он должен был быть куда крепче: немногие скаа на плантациях доживали до таких лет. Большинство лордов не освобождали стариков от ежедневной работы, а частые побои еще ощутимее сокращали их жизнь.

— Как тебя зовут, не расслышал? — спросил Кельсер.

— Меннис.

Кельсер оглянулся на Теппера:

— Ну, добрый Меннис, расскажи мне что-нибудь. Почему, например, ты позволяешь ему командовать?

Меннис пожал плечами:

— Когда доживешь до моих лет, тоже будешь беречь силы и не тратить их понапрасну. В иные битвы и ввязываться не стоит. — В словах Менниса как будто проскользнул намек — он имел в виду нечто большее, нежели свое противостояние с Теппером.